

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Верхотуров Д.С. Научная сфера как объект правового регулирования в условиях применения искусственного интеллекта // Юридические исследования. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76324 EDN: GDJAGI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76324

Научная сфера как объект правового регулирования в условиях применения искусственного интеллекта**Верхотуров Дмитрий Сергеевич**

ORCID: 0009-0008-8769-1364

аспирант; кафедра информационного права и цифровых технологий; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»

410056, Россия, Саратовская обл., г. Саратов, Октябрьский р-н, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд 104
стр. 3

✉ dimanych02@mail.ru[Статья из рубрики "Государственные институты и правовые системы"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.11.76324

EDN:

GDJAGI

Дата направления статьи в редакцию:

18-10-2025

Дата публикации:

11-11-2025

Аннотация: Развитие современных технологий является одним из ключевых факторов трансформации научной сферы, однако её правовое регулирование остаётся недостаточно разработанным. В статье исследуются правовые аспекты применения технологий искусственного интеллекта в научной деятельности. Рассматриваются различные подходы к пониманию категории «искусственный интеллект», анализируется действующее законодательство о науке, выявляются несоответствия современным реалиям и обосновывается необходимость обновления понятийного аппарата. На основе анализа нормативных актов и научной доктрины раскрываются ключевые дефиниции искусственного интеллекта, его классификация по степени автономности, а также выявляются пробелы в регулировании применения в научных исследованиях,

рецензировании, грантовой политике и обеспечении академической честности. Особое внимание уделяется вопросам ответственности при использовании автономных систем искусственного интеллекта, формированию этических стандартов и обеспечению прозрачности алгоритмических решений. Предлагается закрепить в законодательстве категорию «научная сфера» как системообразующее понятие, отражающее процессы создания, распространения и защиты научных знаний в условиях цифровой трансформации. Делается вывод о необходимости комплексного обновления законодательства о науке с учётом интеграции технологий искусственного интеллекта и формирования правовых механизмов, направленных на поддержание баланса между инновационным развитием, академической добросовестностью и публичной ответственностью научных институтов. Методологическую основу исследования составили системный, сравнительно-правовой формально-юридический, культурно-антропологический и дискурс анализ. Научная новизна исследования заключается в анализе применения технологий искусственного интеллекта в научной сфере. В работе проведён анализ правовых и этических механизмов обеспечения прозрачности и подотчётности решений искусственного интеллекта. Особое внимание уделено правовому режиму научных данных. В Исследовании рассматриваются ключевые термины и положения Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике», это позволило оценить их актуальность и соответствие современным реалиям, а также определить направления интеграции технологий искусственного интеллекта в научную деятельность. Проведён сравнительный анализ зарубежных подходов к регулированию искусственного интеллекта, включая риск-ориентированные модели ответственности, аудит алгоритмов, обязательное раскрытие информации о применении технологий и меры по защите данных, что позволило выявить перспективные направления совершенствования национального законодательства и формирования эффективной системы правового сопровождения научной деятельности с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, научная сфера, научная деятельность, правовое регулирование, этические стандарты, цифровая трансформация, академическая честность, автоматизация научных процессов, государственная научная политика, технологии в науке

Введение

Развитие технологий неизменно влечёт за собой трансформацию всех сфер человеческой деятельности. Появление первых компьютеров и рост вычислительных мощностей ознаменовали начало новой эпохи в организации научного поиска и обработки информации. Сегодня наблюдается стремительный прогресс цифровых решений, вызывающий качественные изменения в общественных отношениях. Одним из наиболее значимых достижений современности является искусственный интеллект (далее – ИИ), уже нашедший широкое применение в экономике, транспортной сфере [1, с. 597], медицине, образовании, судебной деятельности [2] и иных областях. Однако правовое регулирование не всегда поспевает за технологическим развитием, что порождает целый ряд противоречий и коллизий при использовании ИИ. Научная сфера в данном контексте не является исключением.

Проблематика правового обеспечения ИИ получила отражение в работах: Арзамасова Ю.Г., Бундина М. В., Ересько П.В., Ивановой Л. А., Измайловой М. А., Минбалаева А.В. Романовой И. Н., Савушкина И. А., Семенова Е. В., Сливицкого А. Б., Чаннова С. Е. Чуриковой А. Ю., Щитовой А. А., Ярошенко Г. В., а также в зарубежных исследованиях: C. Bavitz, R. Budish, M. V. Butz, V. Buryaga, M. Cha, T. Davtyan, F. Doshi-Velez, V. Djuzhoma, G. G. Fletcher, S. Gershman, N. Grgic-Hlaca, J. K. Jeong, M. Kortz, M. M. Le, G. Lima, S. Narayanan, D. O'Brien, M. Potkewitz, K. Scott, A. Shieber, J. Waldo, D. Weinberger, A. Weller, A. Wood. Указанные исследователи внесли значительный вклад в развитие понятийного аппарата искусственного интеллекта, осмысление проблем ответственности, этических и правовых рисков его применения, а также в формирование принципов подотчётности и прозрачности алгоритмов. Вместе с тем правовые основы использования технологий ИИ именно в научной сфере остаются изученными лишь фрагментарно.

Цель исследования заключается в комплексном анализе использования ИИ в научной сфере, выявлении правовых и организационных последствий его интеграции, а также в формулировании предложений по уточнению понятийного аппарата и направлениям развития законодательства о науке в условиях цифровой трансформации.

Методологическую основу исследования составили диалектический, системный, сравнительно-правовой, формально-юридический, дискурс-анализ и культурно-антропологический методы. Диалектический метод позволил рассматривать правовое регулирование применения ИИ в научной сфере как динамично развивающуюся систему, находящуюся во взаимосвязи с социальными и технологическими изменениями. Системный подход использовался для выявления структуры и взаимозависимости элементов научной сферы. Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении российского законодательства с международными и зарубежными актами. Формально-юридический метод обеспечил анализ действующих нормативных положений и их толкование. Культурно-антропологический подход и дискурс-анализ использовались для интерпретации правовых и этических аспектов внедрения ИИ через призму научных ценностей, академической культуры и общественных представлений об ответственности и прозрачности алгоритмов.

Теоретико-правовое понимание искусственного интеллекта

С учётом возрастающего значения ИИ особую роль приобретает нормативное определение. В российской правовой системе ключевые дефиниции закреплены в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 и сопровождающей его *Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года* [Указ Президента РФ от 10.10.2019 №490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ, 2019, №41, Ст. 5700]. Именно эти акты позволяют выстроить системное понимание ИИ, опираясь на три базовых термина: ИИ, технологии ИИ и перспективные методы ИИ.

Прежде всего, ИИ определяется как комплекс технологических решений, имитирующих когнитивные функции человека и обеспечивающих результаты, сопоставимые либо превосходящие интеллектуальную деятельность человека [3, с. 9]. Далее законодатель выделяет технологии ИИ – совокупность прикладных направлений, включающих компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, а также интеллектуальную поддержку принятия решений. Особое внимание уделяется перспективным методам ИИ: инновационным подходам, ориентированным на создание универсального («сильного») ИИ, включая автоматическое машинное обучение, работу с

малыми массивами данных и использование новых типов вычислительных систем.

Тем самым в законодательстве формируется многоуровневое понимание ИИ, охватывающее как уже реализованные решения, так и перспективные модели. Такая системность имеет принципиальное значение для правового регулирования, поскольку обеспечивает учет как текущих практических задач, так и стратегических горизонтов научно-технологического развития.

Анализ юридической доктрины показывает, что подходы к определению ИИ различаются в зависимости от акцентов, расставленных авторами. Существует широкий функциональный подход, согласно которому ИИ рассматривается как «совокупность информационных, включая цифровые, технологии, позволяющих решать задачи, требующие интеллектуальных усилий, сопоставимых с человеческими» [4, с. 1097]. Этот взгляд подчёркивает практическое назначение ИИ как инструмента обработки данных и поддержки принятия решений, но не раскрывает его внутреннюю структуру и технические механизмы.

Особый интерес представляет подход, в рамках которого модели ИИ строятся на алгоритмах и нейронных сетях, имитируя работу человеческого мозга с помощью математических моделей и выполняют такие функции, как анализ, синтез, обучение, управление, принятие решений, воспроизведение и генерацию звуков, а также выполнение действий, ранее присущих человеку. ИИ при этом постоянно совершенствуется, адаптируется к новым обстоятельствам и осуществляет поиск решений без заранее заданного алгоритма [5, с. 71]. Такой подход подчёркивает технологическую природу ИИ и его когнитивные возможности, связывая функциональность с архитектурой системы.

Существует другой подход, ориентированный на автономность и когнитивное поведение. ИИ рассматривается как «система, способная принимать решения на основе опыта и взаимодействия с окружающей средой» [6, с. 38]. Этот взгляд делает акцент на потенциальную способность ИИ к самостоятельному обучению и адаптации, что важно для прогнозирования, развития и определения границ правовой ответственности. Однако текущий уровень технологий не позволяет реализовать полноценную автономность: ни одна существующая система не обладает достаточной когнитивной самостоятельностью для принятия независимых решений.

Проведённый анализ терминов ИИ демонстрирует многообразие и отсутствие единого подхода, что создаёт трудности для правового регулирования и научной дискуссии. Для дальнейшего исследования важно рассмотреть существующие классификации ИИ, позволяющие систематизировать подходы к его пониманию по уровням функциональных возможностей и степени автономности. Это позволит выявить, какие типы ИИ уже активно применяются в научной сфере, а какие пока остаются перспективными моделями.

Слабый (узкий) ИИ [7, с. 10] представляет собой системы, разработанные для выполнения конкретных задач и не обладающие способностью к обобщению знаний или самостоятельному мышлению за пределами заданного алгоритма. Он работает строго в рамках своей специализации и не может адаптироваться к новым условиям без вмешательства человека. К этой категории относятся голосовые ассистенты, алгоритмы рекомендаций, чат-боты и специализированные ИИ-аватары. Слабый ИИ широко используется в промышленности, образовании, медицине и иных областях, демонстрируя высокую эффективность в конкретных прикладных сценариях.

Сильный (общий) ИИ [8] – гипотетическая модель, обладающая самосознанием, способностью к адаптивному обучению и обобщению знаний в различных областях. Такой ИИ мог бы решать интеллектуальные задачи на уровне человека, принимать решения самостоятельно и обучаться без ограничений. На сегодняшний день сильный ИИ не создан, однако ведутся активные исследования в области когнитивных архитектур, нейросетей и машинного обучения, направленные на достижение этой цели.

Помимо слабого и сильного ИИ, обсуждается концепция искусственного сверхинтеллекта (ИСИ), предполагающая создание систем, способных не только имитировать человеческий интеллект и поведение, но и превосходить его по уровню когнитивных способностей, скорости обработки информации и эффективности принятия решений [9, с. 156].

Изучение существующих подходов к определению и классификации ИИ показывает сложность и многоплановость этого объекта исследования. Полученные выводы создают основу для следующего этапа – анализа научной сферы, в которую ИИ активно интегрируется. Для корректной оценки его влияния необходимо чётко определить ключевые понятия, формирующие представление о структуре и содержании науки. Отсутствие унифицированной терминологии препятствует построению последовательной модели правового регулирования, поскольку внедрение ИИ затрагивает не только исследовательскую деятельность, но и организационные и институциональные основы функционирования науки. В этой связи обращение к содержанию базовых понятий в нормативных и доктринальных источниках выступает необходимым условием для анализа трансформации научной сферы под воздействием цифровых технологий.

Понятийный аппарат правового регулирования научной сферы

В статье 2 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [Федеральный закон от 23.08.1996 №127-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 1996, №35, ст.4137; 2025, №26 (часть I), ст.3489] детально определены ключевые категории: «научная деятельность», «научно-техническая деятельность», «фундаментальные и прикладные исследования», «экспериментальные разработки», «инновационная инфраструктура», «научный результат» и другие. Эти дефиниции позволяют нормативно описывать процессы производства новых знаний, их практическое применение, а также формы государственной поддержки научной и инновационной деятельности.

Тем не менее закон не содержит понятие, которое охватывало науку как целостный институт. Термин «научная деятельность» сводится в первую очередь к целенаправленному получению и практическому использованию новых знаний. Между тем современная научная сфера формируется как многоуровневая система, включающая организационные инфраструктуры, научные организации, университеты, центры коллективного пользования оборудованием, уникальные установки, кадровый потенциал, механизмы финансирования, грантовые поддержки, систему подготовки научных кадров, этические стандарты, цифровые платформы обмена знаниями, а также международные коммуникации и кооперации. Поэтому прежде, чем обратиться к доктрине и понятийному аппарату, необходимо разграничить ключевые термины. В толковых словарях «наука» [10] определяется как система знаний о закономерностях природы, общества и

мышления, тогда как термин «научная сфера» не раскрывается. При этом само слово «сфера» [10] понимается как область или пределы распространения определённого явления.

Доктринальный анализ позволяет рассматривать «научную сферу» как обособленный сегмент социальной системы, выполняющий функцию производства и распространения научного знания. В её границах сосредоточены процессы, связанные не только с проведением фундаментальных и прикладных исследований, но и с формированием научных школ, организацией экспериментов, аprobацией результатов. При этом научная сфера занимает особое место в системе общественного разделения труда, так как формирует интеллектуальный ресурс, обеспечивающий воспроизводство инновационного потенциала общества. В ряде научных подходов она определяется как своеобразная квазиотрасль, выступающая связующим звеном в инновационном цикле и интегрирующая науку с экономикой, государственным управлением и иными социальными институтами [11, с. 95].

Если обратиться к другим отраслям законодательства, то для обозначения комплексных областей общественных отношений используются специальные термины, закрепляющие соответствующие сферы деятельности. В абзаце 13 статьи 2 Модельного закона о международном информационном обмене [«Модельный закон о международном информационном обмене» (Принят в г. Санкт-Петербурге 26.03.2002 Постановлением 19-7 на 19-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2002. № 29. С. 134 – 143] применяется понятие «информационной сферы», под которой понимается сфера деятельности субъектов, связанная с созданием, преобразованием и потреблением информации. В Указе Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 (ред. от 17.07.2025) «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // «Собрание законодательства РФ», 29.12.2014, № 52 (часть I), ст. 7753] используется смежное понятие «информационной среды», включающее совокупность средств массовой информации, радио- и телевещания, сети Интернет, а также цифровых архивов, библиотек и оцифрованных музейных фондов. В научной литературе под информационной средой, как правило, понимается совокупность технических и программных средств хранения, обработки и передачи информации, а также политических, экономических и культурных условий реализации процессов информатизации [12].

Исследование данных норм позволяет сделать вывод, что введение специальных понятий, отражающих определённые сферы общественной деятельности, является устойчивым приёмом нормативного и научного описания сложных систем. Такие термины позволяют обозначить границы и содержание соответствующих областей, систематизировать их элементы и обеспечить комплексный подход к регулированию.

Опираясь на выявленные положения, представляется возможным предложить следующее авторское определение. Под термином «научной сферы» предлагается понимать целостную область общественных отношений, включающую совокупность процессов, в том числе связанную с созданием, распространением, использованием, охраной научных знаний, организацией, развитием научных исследований, поддержанием академических стандартов, а также формированием и реализацией государственной научной политики.

Введение данного понятия необходимо по следующим причинам. Во-первых, в действующем законодательстве закреплён обширный перечень дефиниций, при этом их основное содержание связано с исследовательской деятельностью и её результатами. Во-вторых, современное научное развитие характеризуется комплексностью и междисциплинарностью. Научный процесс включает не только проведение исследований, но и подготовку кадров, управление научными организациями, разработку этических и правовых стандартов, обеспечение открытого доступа к результатам, а также применение ИИ и цифровых решений. В-третьих, закрепление понятия «научная сфера» позволит учесть институциональные, организационные и цифровые аспекты функционирования науки. Это создаст основу для формирования единой государственной политики, разработки специальных правовых режимов, а также для совершенствования механизмов финансирования и оценки результативности научной деятельности.

Применение искусственного интеллекта в научной сфере

Применение ИИ трансформирует сложившиеся механизмы функционирования научной сферы, создавая новые возможности для повышения эффективности научной деятельности, но одновременно порождая риски, связанные с достоверностью, прозрачностью и подотчётностью принимаемых решений. В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Указ Президента РФ от 07.05.2024 №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ, 2024, №20, ст.2584] закреплены задачи ускоренного внедрения ИИ технологий в ключевые сферы социально-экономического развития. В дополнение данных целей распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июля 2025 г. № 1805-р утверждено стратегическое направление цифровой трансформации науки и высшего образования до 2030 года [Распоряжение Правительства РФ от 05.07.2025 №1805-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования до 2030 года и признании утратившим силу распоряжения Правительства РФ от 21.12.2021 №3759-р» // Собрание законодательства РФ, 2025, №28, ст.4024], где особое внимание уделено интеграции цифровых технологий и решений на базе ИИ в научные исследования и образовательный процесс. Указанные документы формируют нормативную основу, которая требует учёта как потенциала, так и рисков применения ИИ в научной сфере при разработке государственной научной политики и регулировании соответствующих общественных отношений.

Необходимость актуализации законодательства подтверждается и текущей законотворческой повесткой. Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию А.Г.Мажуга подчёркивает, что новый закон о науке должен включать вопросы применения ИИ, закреплять этические стандарты и современные подходы к оценке результативности исследований [12]. Указанная позиция свидетельствует о стремлении законодателя сформировать целостную правовую модель, учитывающую трансформацию научного процесса под воздействием цифровых технологий.

В настоящее время алгоритмы машинного обучения и автоматизированные системы применяются для обработки и анализа больших массивов данных, моделирования сложных процессов, проведения вычислительных экспериментов. В сфере подготовки научных публикаций ИИ внедряется на этапах: структурирования текста, подбора

литературы, генерации черновых версий статей и автоматической проверки формата цитирования [13, с. 7-8]. Одновременно активно развиваются технологии наукометрии: автоматизированные системы расчёта индексов цитируемости, анализа сетей цитирования и других показателей результативности научной деятельности, которые напрямую влияют на оценку эффективности исследователей, коллективов и научных организаций.

Одним из перспективных направлений применения ИИ становится использование в грантовой политике и смежных процедурах. ИИ интегрируется не только в процессы рецензирования и распределения ресурсов, но и в этапы подготовки заявок. Так, уже появляются специализированные сервисы и ИИ-агенты, способные автоматически формировать грантовые документы на основе представленных материалов и приводить в соответствие с требованиями конкретного грантодателя [14]. Подобные инструменты существенно упрощают работу исследователей, сокращают временные затраты, минимизируют ошибки при оформлении. Вместе с тем их распространение сопровождается рядом вызовов: возрастают риски унификации проектов и подстраивания содержания под алгоритмические стандарты, усиливается вероятность смещения акцентов от научной новизны к формальным критериям, сохраняется проблема предвзятости алгоритмов и ограниченной прозрачности принимаемых решений.

Особое значение в условиях цифровой трансформации приобретает обеспечение академической честности и доверия к результатам исследований. В российских вузах и научных организациях ключевым инструментом проверки оригинальности является система «Антиплагиат», которая фактически стала обязательным этапом допуска научных и учебных работ к защите и публикации. В последние годы алгоритмы этой системы усложнились, она анализирует не только текстовое совпадение, но и структуру документа [15, с. 282]. Нормативное регулирование по-прежнему не определяет статус систем антиплагиата, порядок их использования и юридическую силу выдаваемых ими отчётов, что создаёт правовую неопределённость.

Возникает дискуссионный вопрос о допустимости и формах использования ИИ в научной деятельности. С одной стороны, наличие обязательных систем проверки на плагиат и их несовершенство создаёт риски необоснованного признания работы несамостоятельной. С другой – скрытое использование ИИ подрывает принципы академической честности и может повлечь санкции в отношении автора. Данные противоречия обусловливают необходимость выработки единых правил, допускающих этичное применение ИИ. Одним из возможных решений является введение требований к авторам указывать ИИ-инструменты в списках использованных источников либо в специальных приложениях, фиксирующих сгенерированные им материалы.

В мировой практике уже наблюдаются случаи, когда журналы и университеты устанавливают правила обязательной фиксации использования ИИ-инструментов в научной и учебной деятельности. Например, издательство ACS (Американское химическое общество) требует, чтобы авторы указывали, какой именно ИИ-инструмент и в каком объёме был использован при подготовке рукописи, особенно если речь идёт о генерации текста или изображений [16]. Среди университетов интересен подход к ИИ в Высшей школе экономики, где студенты обязаны представлять сведения применения ИИ в курсовых и выпускных работах, включая указание технологии, объёма использования и оценки её вклада. Несоблюдение этого требования рассматривается как нарушение академических стандартов [17]. Такая практика представляется перспективной для научной сферы, поскольку обеспечивает прозрачность и воспроизводимость результатов

исследований, снижает риски академических нарушений и способствует формированию доверия к научным публикациям. Введение аналогичных требований в национальные стандарты и локальные акты научных организаций могло бы создать баланс между инновационностью и соблюдением принципов академической честности, минимизируя риски санкций за скрытое использование ИИ.

Значимым элементом регулирования использования ИИ в научной сфере становится формирование этических стандартов, которые дополняют правовые нормы и задают ориентиры поведения участников научного процесса. В российской практике важным документом является Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [18, с. 139], закрепляющий принципы ответственности, прозрачности, недискриминации и обеспечения прав человека при создании и применении ИИ-технологий. При анализе международного законодательства, особый интерес представляют: Рекомендации ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта (2021) и Принципы ОЭСР по профессиональному интеллекту (2019) [19]. Указанные документы направлены на выработку национальных стратегий, обеспечивающих баланс между инновационным развитием и защитой общественных интересов.

Ответственность за использование автономных ИИ-систем в научной сфере

В зарубежной и международной научной литературе активно обсуждается проблема распределения ответственности при использовании автономных систем ИИ, способных принимать решения без непосредственного участия человека. Одним из центральных вопросов является адаптация традиционных институтов гражданско-правовой и административной ответственности к новым формам причинения вреда, возникающим вследствие автономности и непрозрачности ИИ-алгоритмов [20].

В Европейском союзе данная дискуссия получила нормативное выражение в проекте Директивы о гражданско-правовой ответственности за ущерб, причинённый системами ИИ (AI Liability Directive). Документ предлагал ввести обратимую презумпцию причинной связи в тех случаях, когда потерпевший докажет нарушение оператором или разработчиком обязанностей по обеспечению прозрачности, безопасности или контролируемости ИИ-системы. Такой подход был направлен на смягчение последствий «причинной непрозрачности» – ситуации, когда невозможно точно установить, почему автономная система приняла то или иное решение. Несмотря на то, что в 2025 году Европейская комиссия приостановила продвижение данного проекта из-за отсутствия консенсуса между государствами-членами сам факт подготовки показывает стремление ЕС сформировать модель ответственности, основанную на сочетании общих принципов гражданского права и специальных норм, учитывающих техническую специфику алгоритмов.

Параллельно Европейский союз обновил директиву о дефектных товарах (Directive (EU) 2024/2853), включив в понятие «продукта» программное обеспечение, что создаёт правовую основу для возложения ответственности на производителей и операторов ИИ-систем, встроенных в продукцию. В финансовом секторе надзорные органы, включая Европейское агентство по ценным бумагам и рынкам (ESMA), уже требуют от банков и управляющих компаний сохранять персональную ответственность за решения, принимаемые с использованием алгоритмов. Европейская модель выстраивается вокруг идеи риск-ориентированного регулирования, при котором степень ответственности зависит от характера и потенциальной опасности алгоритмической автономии.

В Соединённых Штатах Америки подход к ответственности за действия ИИ-систем более

гибкий и децентрализованный. Отсутствие единого федерального закона компенсируется системой отраслевых правил, руководств и принципов, разрабатываемых агентствами и ассоциациями. В литературе отмечается, что американская модель опирается на расширение полномочий существующих органов, применение процедур оценки рисков (*risk assessments*) и стимулирование саморегулирования через механизмы прозрачности и аудита [21]. На практике это выражается в требованиях предоставлять объяснения алгоритмических решений (*explainability*), раскрывать данные об обучении и обеспечивать общественный надзор (*human oversight*). Однако такие требования носят преимущественно рекомендательный характер и реализуются через добровольные кодексы корпоративной ответственности, а не через законодательные предписания. В научных публикациях американских авторов подчёркивается тенденция к формированию гибридных моделей ответственности, основанных на сочетании надзорных и договорных механизмов [22]. Такая система позволяет возлагать ответственность как на разработчиков, так и на операторов, при этом учитывая контекст и степень автономности системы.

На доктринальном уровне ключевым вызовом остаётся так называемый эффект «чёрного ящика» (*black box*), когда сложность архитектуры модели делает невозможным установление причинно-следственной связи между действиями системы и наступившими последствиями [23]. Исследователи отмечают, что требование объяснимости (*explainability*) может использоваться как юридический инструмент восстановления связи между решением и ответственным лицом [24]. Однако чрезмерное упрощение алгоритмов ради объяснимости иногда приводит к искажению фактической картины, что создаёт риск ошибочной атрибуции ответственности.

Международные организации, включая ЮНЕСКО и ОЭСР, также формируют стандарты в этой области, закрепляя принципы общественного контроля, прозрачности, недискриминации и ответственности. В рекомендациях ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта (2021) подчеркивается необходимость внедрения процедур независимого аудита, сертификации и мониторинга систем ИИ, что способствует институционализации ответственности на уровне государств и организаций. Современные исследования [23] предлагают риск-ориентированные механизмы, при которых степень ответственности определяется уровнем автономности системы, вероятностью причинения вреда и возможностями вмешательства человека.

Тем не менее, при всех инициативах регулирование научной сферы применительно к автономным ИИ-системам остаётся фрагментарным. В частности: отсутствует чёткое определение статуса «автономной ИИ-системы», нет отдельных норм, регулирующих ответственность за ошибки или вред, нанесённый в связи с применением таких систем, неурегулированы вопросы использования и защиты научных данных в обучении моделей и аудита результатов. Отсутствует целостная система правового регулирования технологий ИИ, а действующие акты, не решают ключевые проблемные аспекты регулирования [25, с. 57]. Также исследования подчёркивают, что большинство норм юридического регулирования ещё не адаптировано к автономности ИИ-систем [26].

Сравнение с зарубежной практикой показывает, что в Европе и других юрисдикциях уже сформированы механизмы, которые могли быть адаптированы к научной сфере: риск-ориентированное регулирование, разделение ответственности между разработчиками, операторами и пользователями, требование аудита данных и алгоритмов, обеспечение объяснимости решений. В российском контексте эти механизмы реализованы частично,

либо полностью отсутствуют. Для научной сферы России целесообразно предусмотреть законодательное регулирование, которое закрепит понятие автономной ИИ-системы, установит правила аудита и верификации моделей и данных, распределит ответственность между разработчиками, операторами и научными организациями, защитит научную (в том числе конфиденциальную) информацию, используемую для обучения таких систем, и предусмотрит санкции за нарушения и механизмы страхования рисков. Это позволит привести национальное регулирование в соответствие с зарубежными практиками и повысить доверие к использованию ИИ в науке.

Правовой режим научной информации и особенности её использования

В контексте формирования и использования ИИ в научной сфере особое значение имеет правовой статус данных, применяемых для обучения и функционирования моделей. Эти данные формируют базу для генерации новых знаний, прогнозирования результатов экспериментов и автоматизации аналитических процессов. Однако, их правовая природа неоднородна и во многом зависит от источников происхождения, целей обработки и содержания самих сведений.

При анализе данных в первую очередь необходимо определить содержание информации. Российское законодательство в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025 // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448, 09.06.2025, № 23, ст. 3009] закрепляет дефиниции «общедоступной информации» и «конфиденциальной информации». К общедоступной информации относят общеизвестные сведения и иную информацию, доступ к которой не ограничен. В соответствии с этим законом, под конфиденциальной информацией понимается «обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия её обладателя». Исходя из этого, конфиденциальную информацию можно рассматривать как сведения, доступ к которым ограничен [\[27, с. 125\]](#).

Изучение Указа Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» [Указ Президента РФ от 06.03.1997 N 188 (ред. от 13.07.2015) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // «Собрание законодательства РФ», 10.03.1997, N 10, ст. 1127] позволяет выделить конкретные категории информации, подлежащие защите:

1. персональные данные;
2. сведения, составляющие тайну следствия и судопроизводства, а также сведения о лицах, в отношении которых применяются меры государственной защиты, и о самих мерах;
3. сведения, отнесённые к служебной тайне;
4. сведения, составляющие профессиональную тайну (включая врачебную, нотариальную, адвокатскую и иные, установленные законом);
5. сведения, образующие коммерческую тайну;
6. сведения о сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до их официальной публикации;

7. сведения, содержащиеся в личных делах осуждённых, а также сведения о применении к ним мер принудительного характера.

Законодатель закрепляет исчерпывающие критерии отнесения сведений к категории конфиденциальных, формируя нормативные основания для их правовой охраны.

Понимание того, что представляет собой «конфиденциальная научная информация», законодатель не даёт напрямую. Однако анализ норм об интеллектуальной собственности, коммерческой и служебной тайне, а также положений о защите сведений до их официальной публикации позволяет реконструировать её правовую природу. В этом контексте научная информация, не предназначенная для всеобщего доступа, приобретает статус конфиденциальной, если её раскрытие может причинить ущерб интересам правообладателя или государства.

Особое значение имеют сведения, составляющие служебную тайну. К объектам данного режима относятся военная тайна, тайна следствия и судопроизводства, а также налоговая тайна. Анализ Приказа Министра обороны Российской Федерации от 17 января 2022 г. № 22 «Об утверждении Перечня сведений Вооружённых Сил Российской Федерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны» [Приказ Министра обороны РФ от 17.01.2022 N 22 «Об утверждении Перечня сведений Вооруженных Сил Российской Федерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.02.2022 N 67528) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 28.02.2022] позволяет выделить научно-конфиденциальные сведения в оборонной сфере. К ним относятся: содержание и результаты научных исследований и НИОКР, планы и программы их реализации, деятельность научно-технических советов и координационных органов, организация и контроль выполнения научных работ, развитие лабораторно-экспериментальной базы, а также вопросы изобретательской, рационализаторской и диссертационной деятельности в военных образовательных организациях. Эти сведения обладают стратегической значимостью и требуют установления особого правового режима защиты.

Для понимания конфиденциальной информации в научной сфере важно рассмотреть законодательство о профессиональной тайне. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // «Собрание законодательства РФ», 28.11.2011, N 48, ст. 6724] закрепляет, что проведение научных исследований, их публикация в научных изданиях и использование в учебном процессе допускаются только при наличии письменного согласия гражданина или его законного представителя. Это означает, что охране подлежат не только результаты исследований, но и сведения о личности участников, что формирует отдельный режим конфиденциальной научной информации в медицинской и биомедицинской сфере.

С точки зрения коммерческой тайны, Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О коммерческой тайне» [Федеральный закон от 29.07.2004 N 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О коммерческой тайне» // «Собрание законодательства РФ», 09.08.2004, N 32, ст. 3283] определяет её как сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), включая результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере. Статья 771 Гражданского

кодекса РФ [«Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, N 5, ст. 410] уточняет, что к конфиденциальным относятся сведения, касающиеся предмета договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, хода их исполнения и полученных результатов, если иное не предусмотрено договором.

Согласно статье 9 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О науке и государственной научно-технической политике», субъекты научной и (или) научно-технической деятельности имеют право на обмен информацией, за исключением сведений, относящихся к государственной, служебной или коммерческой тайне.

Исходя из проведённого анализа, под конфиденциальной научной информацией следует понимать сведения, полученные в ходе научных и научно-технических работ (включая методики, планы, протоколы испытаний, промежуточные и конечные результаты, а также персональные данные участников), доступ к которым ограничен в силу законодательства, договорных условий или ведомственных актов, и разглашение которых может причинить имущественный, организационный либо иной вред правообладателю или государственным интересам.

Конфиденциальность научной информации не следует приравнивать к государственной тайне. Статья 5 Закона РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 08.08.2024) «О государственной тайне» [Закон РФ от 21.07.1993 N 5485-1 (ред. от 08.08.2024) «О государственной тайне» // «Собрание законодательства РФ», 13.10.1997, N 41, стр. 8220-8235] закрепляет перечень сведений, составляющих государственную тайну. В контексте науки закон выделяет сведения «о достижениях науки и техники, о научно-исследовательских, об опытно-конструкторских, о проектных работах и технологиях, имеющих важное оборонное или экономическое значение, влияющих на безопасность государства». Государственная тайна охватывает только те научные результаты, раскрытие которых может непосредственно повлиять на национальную безопасность или экономическую стабильность.

Исследованием была выявлена значимость разграничения категорий открытой, ограниченной и конфиденциальной научной информации. При этом в действующем законодательстве отсутствует чёткое определение понятия «научной конфиденциальной информации», что существенно осложняет её правовую охрану и практическое применение норм, регулирующих доступ и использование научных данных.

ИИ в науке ставит под вопрос традиционные принципы научной добросовестности и автономии исследователя. Алгоритмы машинного обучения способны выявлять закономерности и делать выводы без участия человека, однако при этом остаётся неясным, кто несёт ответственность за достоверность, корректность и этическую допустимость таких результатов. Особенно проблемным является вопрос воспроизводимости научных данных, если обучение модели осуществлялось на закрытых или частично недоступных массивах информации.

Отдельную угрозу представляет феномен «утечки научного знания». ИИ-системы, обученные на внутренней исследовательской информации, потенциально способны воспроизводить элементы этой информации в иных контекстах — например, при генерации новых текстов, моделей или гипотез. При отсутствии юридически закреплённого режима охраны такой информации это может привести к утрате приоритета научного открытия или неправомерному распространению сведений,

составляющих интеллектуальную собственность.

Заключительные положения

Развитие ИИ становится определяющим фактором трансформации современной научной сферы. Эти изменения открывают новые возможности для исследований, анализа и интерпретации данных, но одновременно создают сложные вызовы для правовой системы, не успевающей адаптироваться к темпам технологического прогресса. Проведённый анализ показал, что в международной практике формируется тенденция к интеграции правовых, этических и технологических механизмов, направленных на обеспечение прозрачности и подотчётности автономных систем, участвующих в создании научного знания.

Вместе с тем, российская правовая модель находится на стадии концептуального становления. Отсутствие целостного понимания научной сферы как особого объекта правового регулирования, а также неопределенность статуса данных, используемых для обучения ИИ-моделей, препятствуют формированию устойчивой системы ответственности и защиты исследовательской информации. Эти пробелы становятся особенно заметными в условиях активного внедрения автономных алгоритмов, способных принимать решения, влияющие на научные результаты и их достоверность. Существующее мнение, что на данном этапе специальная правовая регламентация эксплуатации ИИ в реальной жизнедеятельности не требуется, из-за его применения в различных сферах экономического, социального, научного и культурного развития [29, с. 8], является ошибочной.

Научная сфера требует особого подхода к регулированию ИИ – не только с позиций технической безопасности, но и в контексте сохранения академических ценностей, научной этики и доверия к результатам исследований. Перспективным направлением развития видится формирование специализированного правового режима, который обеспечит баланс между стимулированием инноваций и защитой интересов общества, государства и научного сообщества. Такой режим должен включать нормы, регулирующие обращение научных данных, механизмы распределения ответственности при использовании ИИ и институциональные гарантии прозрачности исследовательских процессов.

В целях системного обновления законодательства представляется целесообразным осуществить комплексное изменение Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», направленное на адаптацию его положений к условиям цифровой трансформации науки и активного применения технологий ИИ.

Предлагается закрепить понятие «научной сферы» как системной области общественных отношений, охватывающей процессы создания, распространения и охраны научных знаний. Следует установить правовые основы ответственности за применение автономных ИИ-систем, определив распределение обязанностей между разработчиками, операторами и научными организациями. Важно создать правовой режим научных данных, предусматривающий особый порядок их сбора, хранения, использования и защиты при обучении ИИ-моделей. Значимым направлением является введение обязательного аудита и сертификации ИИ-систем, применяемых в исследовательской практике, с учётом принципов прозрачности, объяснимости и достоверности принимаемых решений. Необходимым представляется также закрепление этических стандартов и принципов академической честности при использовании ИИ, включая

обязанность раскрывать факт его применения в научных публикациях и отчётности. Реализация указанных положений позволит сформировать целостную нормативную основу применения технологий ИИ в науке.

Библиография

1. Ересько П.В. Правовые проблемы регулирования технологий искусственного интеллекта в транспортной сфере / П.В. Ересько // Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы: Сборник докладов XI Московского юридического форума (XXIV Международной научно-практической конференции). В 3-х частях, Москва, 08-12 апреля 2024 года. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. – С. 596-600. – EDN ADLXDD.
2. Чурикова А.Ю. Использование систем искусственного интеллекта судами: риск-ориентированный подход регулирования / А.Ю. Чурикова // Организационные модели обеспечения деятельности судов в XXI веке: российский и зарубежный опыт и перспективы развития: Сборник статей к 25-летию Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Москва, 16 марта 2023 года / Отв. за выпуск А.А. Арямов, Е.В. Бурдина, Е.В. Голошумов. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2023. – С. 395-400. – EDN BLOYSC.
3. Измайлова М.А. Роль искусственного интеллекта в построении адаптивной образовательной среды // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2024. №1. С. 8-26. DOI: 10.18184/2079-4665.2024.15.1.8-26 EDN: CJATAD.
4. Минбалаев А.В. Понятие "искусственный интеллект" в праве / А.В. Минбалаев // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2022. – Т. 32, № 6. – С. 1094-1099. – DOI 10.35634/2412-9593-2022-32-6-1094-1099. – EDN MPTQYE.
5. Ересько П.В. Правовое обеспечение безопасности информационного пространства Российской Федерации в сфере искусственного интеллекта / П.В. Ересько // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 10(122). – С. 69-76. – DOI 10.17803/2311-5998.2024.122.10.069-076. – EDN AOYARK.
6. Щитова А.А. Правовое регулирование информационных отношений по использованию систем искусственного интеллекта: специальность 12.00.13 "Информационное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Щитова Анастасия Андреевна. – Москва, 2022. – 225 с. – EDN AIUCYM.
7. Искусственный интеллект в юридической деятельности: учебник для вузов / под ред. С.Е. Чаннова. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 131 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-21196-2. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 10 – URL: <https://urait.ru/bcode/581673/p.10> (дата обращения: 17.09.2025).
8. Butz M.V. Towards Strong AI // Künstl Intell. 2021. Vol. 35. P. 91-101. DOI: 10.1007/s13218-021-00705-x. EDN: XCSBPT.
9. Чурикова А.Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Чурикова Анна Юрьевна. – Саратов, 2025. – 498 с. – EDN WFVIZP.
10. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: А ТЕМП, 2006. – 938, [3] с.; 27 см.; ISBN 978-5-9900358-6-7.
11. Семенов Е.В. Научно-технологическая сфера (сфера НИОКР): способы представления объекта / Е.В. Семенов // Наука. Инновации. Образование. – 2013. – Т. 8, № 2. – С. 82-98. – EDN RSMYDP.
12. Смолян Г.Л. Некоторые ключевые понятия информатизации: категориальный статус и предметная область // Информационное общество. 2015. Вып. 1. С. 7-17. EDN: UDNYSV.

13. Мажуга А.Г. Как использование ИИ в науке должно быть урегулировано в новом законе // URL: <https://dzen.ru/a/aGU-H4nsMFPr4N7c>.
14. Иванова Л.А. Искусственный интеллект при написании научных статей – положительный или вредоносный фактор? // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2024. №4. – С. 6-17. DOI: 10.51955/2312-1327_2024_4_6 EDN: YRKWJQ.
15. Автоматизируйте заполнение грантовых заявок с помощью ИИ-агента Грантмастер // URL: <https://nocsever.com/grantmaster#about>.
16. Ярошенко Г.В., Савушкин И.А. Социальные последствия применения систем искусственного интеллекта в образовании // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. №3. – С. 278-284. – DOI 10.22394/2079-1690-2023-1-3-278-284. – EDN QWUVMZ.
17. Artificial Intelligence (AI) Best Practices and Policies at ACS Publications // URL: https://researcher-resources.acs.org/publish/aipolicy-utm_source.
18. Правила использования искусственного интеллекта студентами НИУ ВШЭ // URL: https://www.hse.ru/studyspravka/ai_guidelines/.
19. Романова И.Н. Проблемы юридической ответственности за вред, причиненный при использовании технологий искусственного интеллекта / И.Н. Романова // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1-4), № 1. – С. 72-77. – DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.72-77. EDN: OXEXFY.
20. Арзамасов Ю.Г. Оптимальная модель правового регулирования в сфере искусственного интеллекта // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2023. № 2 (53). – С. 133-148. – DOI 10.17308/law/1995-5502/2023/2/133-148. – EDN ALEBSL.
21. Davtyan T. The U.S. Approach to AI Regulation: Federal Laws, Policies, and Strategies Explained // SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=4954290>.
22. Fletcher G.G.S., Le M.M. The Future of AI Accountability in the Financial Markets // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law. 2022. Vol. 24. P. 289.
23. Doshi-Velez F., Kortz M., Budish R., Bavitz C., Gershman S.J., O'Brien D., Scott K., Shieber S., Waldo J., Weinberger D., Weller A., Wood A. Accountability of AI Under the Law: The Role of Explanation // Berkman Center Research Publication, Forthcoming. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3064761> или <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3064761>.
24. Gabriel L., Grgic-Hlaca N., Cha M., Jeong J.K. The Conflict Between Explainable and Accountable Decision-Making Algorithms // SSRN. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2205.05306>.
25. Narayanan S., Potkewitz M. A risk-based approach to assessing liability risk for AI-driven harms considering EU liability directive // arXiv preprint arXiv:2401.11697. – 2023.
26. Сливицкий А.Б., Сливицкий Б.А. Анализ системы правового регулирования бытия технологий искусственного интеллекта / А.Б. Сливицкий, Б.А. Сливицкий // Управление наукой: теория и практика. – 2024. – Т. 6, № 2. – С. 53-61. – DOI 10.19181/smtp.2024.6.2.5. – EDN IKHTEA.
27. Buryaga V., Djuzhoma V., Artemenko E. Shaping Artificial Intelligence Regulatory Model: International and Domestic Experience // Legal Issues in the Digital Age. 2025. Vol. 6(2). P. 50-68. DOI: <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2025.2.50.68>. EDN: CPXWBP.
28. Бундин М.В. Система информации ограниченного доступа и конфиденциальность / М.В. Бундин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 1. – С. 120-130. – EDN TLIEGV.
29. Мохоров Д.А., Мохорова А.Ю., Долженкова Е. Правовые проблемы применения искусственного интеллекта. Российское право онлайн. 2022;(2):5-11. DOI: 10.17803/2542-2472.2022.22.2.005-011. EDN: KAZRNY. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является научная сфера как объект правового регулирования в условиях применения искусственного интеллекта.

Методология исследования раскрыта: автором использовались диалектический, системный, сравнительно-правовой, формально-юридический методы, а также методы культурно-антропологического и дискурс-анализа. Ученому необходимо уточнить то, каким образом использовались эти методы.

Актуальность избранной автором темы исследования обоснована. Безусловно, одним из наиболее значимых достижений современности является искусственный интеллект (ИИ), уже нашедший широкое применение в различных сферах жизни. Однако правовое регулирование несовершенно, что порождает ряд противоречий и правовых коллизий при использовании ИИ. Научная сфера не стала исключением. Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием рассматриваемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в предложенном автором определении понятия «научная сфера» (целостная область общественных отношений, включающая совокупность процессов, в том числе связанных с созданием, распространением, использованием и охраной научных знаний, организацией и развитием научных исследований, поддержанием академических стандартов, а также формированием и реализацией государственной научной политики), а также рекомендациях по совершенствованию действующего законодательства в сфере науки. Автором установлено, что в ряде государств уже сформированы механизмы, которые могут быть адаптированы к научной сфере: риск-ориентированное регулирование, разделение ответственности между разработчиками, операторами и пользователями, требование аудита данных и алгоритмов, обеспечение объяснимости решений. В российском контексте эти механизмы либо реализуются частично, либо вообще отсутствуют. Ученым предложено закрепить понятие автономной ИИ-системы в научной деятельности, установить правила аудита и верификации моделей и данных, распределить ответственность между разработчиками, операторами и научными организациями; защитить научную (в том числе конфиденциальную) информацию, используемую для обучения таких систем; предусмотреть санкции за нарушения и механизмы страхования рисков. Также в исследовании выявлена значимость разграничения открытой, ограниченной и конфиденциальной научной информации.

Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, определяет его цель и методологию. В основной части работы автор осуществляет комплексный анализ использования ИИ в научной сфере, выявляет соответствующие правовые и организационные последствия, а также формулирует предложения по уточнению понятийного аппарата и направлений развития законодательства о науке в условиях цифровой трансформации. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Методологическую основу исследования составляют диалектический, системный, сравнительно-правовой и формально-юридический методы, культурно-антропологического и дискурс анализа" - "дискурс-анализа" (опечатка).

Ученый отмечает: "Именно эти акты позволяют выстроить системное понимание ИИ, опираясь на три базовые термины: ИИ, технологии ИИ и перспективные методы ИИ" - "базовых" (опечатка).

Автор указывает: "Однако текущий уровень технологий не позволяет реализовать полноценную автономность ни одна существующая система не обладает достаточной когнитивной самостоятельностью для принятия независимых решений" - "Однако текущий уровень технологий не позволяет реализовать полноценную автономность: ни одна существующая система не обладает достаточной когнитивной самостоятельностью для принятия независимых решений" (см. на пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 27 источниками (диссертационными работами, научными статьями, учебником, словарем), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А. В. Минбаев, А. А. Щитова). Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования обладают свойствами достоверности и обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания потенциальной читательской аудитории. Автором установлено, что в международной практике формируется тенденция к интеграции правовых, этических и технологических механизмов, направленных на обеспечение прозрачности и подотчетности автономных систем, участвующих в создании научного знания. Однако соответствующая российская правовая модель пока находится на стадии концептуального становления. В настоящее время отсутствует целостное понимание научной сферы как особого объекта правового регулирования. Также существует неопределенность статуса данных, используемых для обучения ИИ-моделей, что препятствует формированию устойчивой системы ответственности и защиты исследовательской информации. Перспективным направлением развития ученым видится формирование специализированного правового режима, который обеспечит баланс между стимулированием инноваций и защитой интересов общества, государства и научного сообщества. Указанный режим должен включать нормы, регулирующие обращение научных данных, механизмы распределения ответственности при использовании ИИ и институциональные гарантии прозрачности исследовательских процессов.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен, прежде всего, в сфере административного права, информационного права, гражданского права со стороны ученых, практикующих специалистов, обучающихся. Однако работа нуждается в доработке — автору необходимо дополнить вводную часть статьи и устранить опечатки в тексте.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на научную статью

«Научная сфера как объект правового регулирования в условиях применения искусственного интеллекта»

1. Предмет исследования

Предмет исследования сформулирован четко и актуально - это правовое регулирование научной сферы в контексте применения искусственного интеллекта. Автор предпринимает попытку комплексного анализа, охватывая понятийный аппарат, практику применения ИИ, вопросы ответственности и правовой режим научной информации.

2. Методология исследования

Заявленный методологический аппарат (диалектический, системный, сравнительно-правовой и другие методы) является обоснованным.

На практике методы применяются скорее для структурирования изложения, чем для глубокого анализа. Например, сравнительно-правовой метод использован для констатации различий, но не для выявления универсальных принципов, применимых в российской правовой системе.

3. Актуальность

Актуальность темы не вызывает сомнений. Цифровая трансформация науки и распространение технологий ИИ создают значительные вызовы для правового регулирования, и автор правильно акцентирует на них внимание.

4. Научная новизна

Научная новизна статьи выражена умеренно. В качестве основного элемента новизны предлагается авторское определение «научной сферы», призванное расширить узкую законодательную дефиницию «научной деятельности». Хотя сама по себе эта идея имеет потенциал, в статье не представлено достаточно убедительных аргументов, почему существующее легальное определение является недостаточным для целей регулирования ИИ, и чем именно предложенная дефиниция качественно меняет правовой анализ.

5. Стиль, структура, содержание

Стиль статьи соответствует научным стандартам, структура логична и последовательна. Содержание носит в большей степени аналитико-обзорный характер. Работа выполняет важную задачу систематизации проблемного правового регулирования, но для усиления ее значимости не хватает перехода к конкретным правовым предложениям и механизмам реализации выдвинутых идей.

6. Библиография

Библиографический список включает некоторые ключевые работы по теме, что демонстрирует осведомленность автора в предметной области. Вместе с тем, связь между многими цитируемыми источниками и собственными выводами автора могла бы

быть более явной и аргументированной.

7. Апелляция к оппонентам

Статья содержит ссылки на позиции законодателей и международный опыт, однако ей не хватает полемической остроты. Автор не вступает в заочную дискуссию с возможными оппонентами, которые, например, могут считать существующего правового регулирования достаточным или рассматривать ИИ как инструмент научных исследований, не требующий фундаментального пересмотра правовых подходов.

8. Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы статьи корректно обобщают поднятые проблемы, но носят слишком общий характер. Они констатируют необходимость «формирования специализированного правового режима», но не предлагают его конкретных контуров. Это может снизить практический интерес к статье со стороны законодателей и правоприменителей, хотя для научного сообщества она остается полезным обзором текущей ситуации.

9. Мнение рецензента

Статья представляет собой добросовестное, но не новаторское исследование. Ее основная сила заключается в систематизации широкого круга вопросов на стыке права, науки и технологий. Основная слабость - в недостаточной глубине проработки центральной идеи и преобладании описательного подхода над решением сложных правовых коллизий.

Рекомендации:

- усилить аргументацию новизны. Четче обосновать, почему легального определения «научной деятельности» недостаточно и как введение новой дефиниции повлияет на правоприменимую практику;
- конкретизировать выводы. Преобразовать общие формулировки в конкретные предложения (например, проекты норм, принципы распределения ответственности, алгоритмы аудита);
- углубить критический анализ. Рассмотреть и опровергнуть потенциальные контраргументы, что усилит позицию автора.

Заключение: статья может быть рекомендована к публикации после доработки, направленной на устранение указанных замечаний. Она представляет собой хорошую основу для дальнейших, более прикладных и сфокусированных исследований в данной области.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

ПОВТОРНАЯ РЕЦЕНЗИЯ на научную статью «Научная сфера как объект правового

регулирования в условиях применения искусственного интеллекта» (по результатам доработки)

1. Предмет исследования

Предмет исследования остался четко сформулированным и актуальным. В доработанной версии усилен акцент на комплексном характере научной сферы как объекта регулирования, что расширяет исходные рамки анализа.

2. Методология исследования

Состав методологической базы не изменился. На практике применение методов по-прежнему носит скорее описательный характер, хотя сравнительно-правовой метод теперь подкреплен более детальным сопоставлением с международными аналогами. Глубины аналитического применения методов по-прежнему не хватает.

3. Актуальность

Актуальность темы сохраняется на высоком уровне. Цифровая трансформация науки и распространение технологий ИИ создают значительные вызовы для правового регулирования, и автор правильно акцентирует на них внимание. Доработка усилила этот аспект за счет ссылок на новейшие стратегические документы (вплоть до 2025 года) и текущую законотворческую повестку.

4. Научная новизна

Научная новизна усилена. Автор не только предложил авторское определение «научной сферы», но и провел сравнительный анализ с терминами «информационная сфера» и «информационная среда»; конкретизировал правовые механизмы внедрения этого понятия; прямо оспорил позицию о нецелесообразности специального регулирования ИИ в науке.

5. Стиль, структура, содержание

Содержание носит в большей степени аналитико-обзорный характер. Работа выполняет важную задачу систематизации проблемного правового регулирования. Структура улучшена за счет добавления новых смысловых блоков, особенно в части предложений по изменению законодательства. Стиль остается научным, язык - юридически грамотным. Содержание эволюционировало от аналитико-обзорного к более конструктивному.

6. Библиография

Библиографический список расширен новыми источниками, включая ведомственные акты и современные научные работы.

7. Апелляция к оппонентам

Появилась прямая полемика с альтернативной точкой зрения (ссылка на мнение о необязательности специального регулирования ИИ). Это укрепляет позицию автора.

8. Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы стали значительно конкретнее. Теперь они включают: четкие предложения по изменению ФЗ «О науке...»; механизмы аудита и сертификации ИИ-систем; распределение ответственности между участниками.

Это повышает практическую ценность статьи для законодателей и правоприменителей.

9. Мнение рецензента

Статья серьезно доработана и демонстрирует качественный рост: усиlena аргументация ключевых положений; предложены конкретные правовые механизмы; расширен критический анализ.

Рекомендации к публикации:

Статья рекомендуется к опубликованию в рецензируемом научном издании. Незначительные стилистические правки не влияют на общую высокую оценку работы.

Заключение:

Доработанная версия статьи представляет собой завершенное, актуальное и практически значимое исследование, вносящее вклад в развитие правового регулирования научной деятельности в условиях цифровизации и распространения технологий искусственного интеллекта.